

УДК 808 . 51

Пантелева И. А.

СТАНОВЛЕНИЕ АНТИЧНОЙ РИТОРИКИ: КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА КАК ТЕОРИЯ РЕЧИ

Анализируется процесс становления античной теории языка (риторики), на основе античных текстов показываются особенности и характеристики античной теории языка, берущей за основу существующие коммуникативные практики. Показывается, что риторика издавна являлась как практикой обучения, так и кодификацией распоряжений. Доказывается, что античная теория словесного технэ коснулась коренных принципов языкового существования древнегреческого социума.

Ключевые слова: красноречие, риторика, дискурс, перформанс, софистика, принцип ошибочного.

У статті проаналізовано процес становлення античної теорії мови (риторики), на основі насамперед античних текстів показано особливості й характеристики античної теорії мови, що бере за основу існуючі комунікативні практики. Показано, що риторика споконвічно була як практикою навчання, так і кодифікацією розпоряджень. Доведено, що антична теорія словесного техне торкнулася корінних принципів мовного існування давньогрецького соціуму.

Ключові слова: красномовство, риторика, дискурс, перформанс, софістика, принцип помилкового.

In the article the process of formation of the antique theory of speech (rhetoric) is analyzed, on the basis of, first of all, antique texts the features and characteristics of the antique theory of speech taking for its basis existing communicative practices are shown. It is also shown that the rhetoric initially represented both practice of training, and codification of instructions. It is proved that the antique theory verbal techné affected the main principles of language existence of Ancient Greek society.

The keywords: eloquence, rhetoric, discourse, performance, sophism, principle of the false.

Красноречие вполне уместно назвать душой античной государственной жизни. Греция «поистине пылала страстью к красноречию и долгое время им славилась и преуспевала в нем больше других государств», — отмечает Цицерон [14, с. 260]. Свое значение красноречие смогло приобрести в то время, когда народная масса стала способной к самоуправлению благодаря своему интеллектуальному развитию. Красноречие имеет приложение в полной силе лишь среди массы, подчиняющейся духовному превосходству оратора, умственному и нравственному воздействию его на толпу. «Вкус к красноречию обычно появляется не тогда, когда основывают государство, когда ведут войны или когда самовластие мешает оратору и сковывает его дарование, — отмечает Цицерон. — Красноречие — спутник мира, союзник досуга и как бы вскормленник уже хорошо устроенного общества» [14, с. 263].

Рассмотрение проблем красноречия восходит к античности (Платон, Аристотель, Цицерон, Квинтилиан, Тацит, Блаженный Августин и др.). На каждом последующем

этапе многие ученые разных научных сфер знания обращались к проблеме красноречия и связанного с ним искусству построения речи (Э. Б. де Кондильяк, И. Кант, М. Ломоносов, Ф. Бласс, Фенелон, Ф. Зелинский, А. Лосев, И. Тронский, С. Аверинцев, Б. Кассен, В. Биbihин, Й. Хейзинга, Голдхил и др.). Красноречие как объект филологии становится достаточно распространенным исследованием. Как философская категория красноречие не анализируется на достаточно серьезном уровне. А работ, рассматривающих древнее красноречие как первооснову риторики, не совсем много. Этим обуславливается цель данной работы, а именно проанализировать процесс становления античной теории речи (риторики), опираясь исключительно на философские тексты, показать особенности и характеристики античной теории речи, которая берет за основу существующие коммуникативные практики.

Прежде всего, следует отметить, что к началу V века до н. э. происходит переворот в жизни античного социума. Люди обрели способность общаться между собой, общаться с богами. Но простой коммуникации посредством речи недостаточно, простое собрание людей не обуславливает возникновение сообщества, нужны социальные связи, основанные на этике, которые только и позволяют людям жить вместе. Это «искусство жить обществом» становится искусством, которое требует изучения. Тем самым можно констатировать переворот в области научных интересов, налицо обращение к наукам, которые мы называем общественными. А в области этих наук среди явлений, которые привлекают внимание, оказывается явление речи. В Западной Греции (в Италии), в кругах философов-пифагорейцев, идет изучение действия на человеческую душу музыкальных звуков. К числу приемов психологического воздействия прибавляется еще один — сам язык. Стиль речи рассматривается как один из способов убеждения.

Речь играет важную роль в тех полисах, которые уделяли много внимания публичным дебатам. В Спарте красноречие имело чисто утилитарное значение, где личное было неотъемлемо от коллективного, где индивидуальность и новаторство рассматривались как нарушение норм и традиций. Поэтому даже после периода «ликурговых законов» Спарта осталась воюющим, а не «говорящим» народом. В Афинах убедительная речь, свободное слово имели решающее значение. Красноречие было рычагом, приводившим в движение государственный механизм. Именно там складывается обстановка восхищения искусством оратора и поэта, когда эстетическое наслаждение оказывалось способным отодвинуть на задний план утилитарные функции и прозаической, и поэтической речи.

В этой новой ситуации люди начинают задавать себе вопросы не только о содержании беседы, речей, но и о технике, о том, какие средства можно применять для убеждения. Безусловно, говорили хорошо многие люди и раньше, но на одобрение слушателей влияла не столько сама речь, сколько авторитет высказывающего. «Ни у кого не было разумной методы разговора, что, впрочем, не мешало большинству людей говорить тщательно и ясно», — отмечает Цицерон [15, с. 26]. Только в начале V века до н. э. наметился продуманный метод мышления и новая техника коммуникации — риторика. «Умелые и опытные люди взяли и

обратились к тем простым навыкам, которые сами собой выработались и соблюдались в ораторской практике, осмыслили их и отметили, дали им определения, привели в ясный порядок, расчленили по частям» [14, с. 96].

Перфомансная традиция декламационных/языковых практик, основанных на правилах триединства музыки, слова и ритма, сохранялась долгое время, и, когда произошел поворот в сторону ритмизированной речи, впоследствии переросшую в художественную речь, можно лишь догадываться. Ясным остается то, что риторика не появляется ниоткуда, поскольку все, что происходит в языке, имеет четкое обоснование. Мы склонны предположить, что первые тенденции в сторону художественной речи, где приоритет разумного слова возвысился над звуковой традицией, имели место быть уже в VII веке до н. э., и связаны они с музыкально-поэтической реформой, которая предопределила последующее развитие ораторского перфоманса.

В Афинах красноречие, представляющее собой одновременно практику и размышления о языке, подготовлено к последней четверти V века до н. э. влиянием двух сходящихся течений — практического образования Ионии, представителями которого были софисты, и сицилийской риторики. По мнению Цицерона, риторика зародилась на Сицилии около 465 года до н. э. в рамках правовой ситуации с необходимостью самостоятельно представлять свои интересы в суде. Одним из «родоначальников» риторики как искусства полемики, цель которой — победа в споре, считается также философ Протагор из Абдеры. Именно он ввел в зарождающуюся риторическую науку свои релятивистские принципы и определил задание риторики — доказать собственную точку зрения любой ценой и любыми средствами. По свидетельству Диогена Лаэртского, Аристотель считал основателем риторики пифагорейца Эмпедокла, который «достиг великой силы слога, пользуясь и метафорами и прочими поэтическими приемами» [7, с. 322]. По сведениям Аристотеля, сицилийцы Корак и Тисий впервые составили теорию и правила судебного красноречия — первый учебник риторики в виде руководства по стилю речи безотносительно к ее конкретному содержанию.

Лишь только в начале Пелопоннесской войны риторика была «пересажена» со своей родины Сицилии в Афины. Все образованные люди того времени приняли ее с такой благосклонностью, что временные на нее нападки Платона не могли оказать никакого влияния. В аттическое время риторика уже господствовала над всей словесностью, и в этом контексте началось настоящее обучение публичной речи. С начала же II века до н. э. она сделалась необходимым средством обучения для всех, имеющих претензию на высшее образование, и таковою она считалась еще в последние времена приходящего в упадок эллинизма. Риторика изначально представляла собой как практику обучения, так и кодификацию предписаний. Образцом практического красноречия стали странствующие софисты.

Модными и влиятельными интеллектуальными суперзвездами (trendy and influential intellectual superstars) культурной революции Афин называет софистов Голдхил. Он указывает на существующие софистские типы аргумента, которые становятся настолько широко распространенными повсюду в устной речи и письме, в

прозе и поэзии, что предстают как ключевые определители нового мышления. Среди всех типов он особенно выделяет четыре признака «софистской мысли». Во-первых, поворот к *nomos* и *phusis*, «соглашению/закону и природе как объяснительным категориям». Второй признак софистского мышления состоит в том, что можно назвать «аргументом с позиции вероятности». Третью стратегию софистской мысли он суммирует под названием «аннулирование и парадокс». «Четвертая область софистской мысли... связывает риторику, власть и социальные изменения, и является широким предметом „обучающего достоинства” — включая хороший характер, политическую оценку, этическое действие, военную оценку» [16, с. 51].

На уникальность софистики указывает Б. Кассен, которая заключается в том, что как исторический факт она уже есть эффект структуры: реальная практика тех, кого называли или кто сам называл себя «софистами», становится в «философии средством обозначения одного из типов иного, нефилософского поведения» [6, с. 6]. Софистика изгоняется в область нефилософского, преимущественно в литературу, где художественная проза «обработанного» слога, вопреки чаяниям философов, задает тон ораторскому искусству. Это был своеобразный «философско-литературный маршрут» развития ораторского красноречия, где софисты распространяли не только свое знание. Являясь по образу жизни деятелями коммуникации, занимая место всеобщих «греческих учителей» (аэдов и рапсодов), они формировали литературность устного слова. «„Софистическое” красноречие основалось в школе и завоевало себе в ней даже первое место; начиная с эпохи Горгия, оно было тем родником, который орошал ниву афинского, а вскоре и общегреческого слова на всем ее протяжении», — отмечает Ф. Ф. Зелинский [5, с. 237].

На первых порах были «востребованы» два типа красноречия: судебное и совещательное. Судебные речи были выработаны задолго до Лисия и представляют богатейшее собрание бытовых картин из повседневной жизни Афин. Начинались они с вступления, рассчитанного на то, чтобы снискать благожелательное внимание судей, затем шло повествование, т. е. изложение фактической стороны дела в том освещении, в каком это было желательно тяжущемуся. Следующую часть составляли доказательства правильности изложения и полемика с противником, которого оратор старался всеми способами очернить, и тогда речь завершалась заключением. Вступление и заключение — наиболее стандартные части судебной речи, менее всего связанные с существом судебного спора, — состояли из «общих мест», пригодных для самых различных случаев. Существовали даже сборники типовых вступлений и заключений.

Что же касается совещательного красноречия, то оно в древности было связано с вопросами войны и мира, актуальной политической ситуацией в государстве. Оратор обращался к весьма разнородной массе слушателей, и задача у него была наиболее ответственная: «Совещательное красноречие регулировало жизнь общества в целом, ...главной целью совещательной речи является польза» [4, с. 241]. Такие речи в обычной классификации риторической теории древних относятся к одному классу государственных речей перед народом (*σπιηγοβίαι*) в противоположность речам судебным.

Искусство публичных выступлений быстро расширяло круг своего влияния. Голос оратора звучал не только во время судов или политических прений, но и в сугубо торжественной обстановке. Уже Горгий вызывал восторг на общенародных празднествах в Пифийском Храме и в Олимпии. Этот тип красноречия Аристотель назвал «эпидейктическим» — парадным, показательным. Задолго до Аристотеля Пифагор и пифагорейцы немало потрудились в этой области. Они разработали основы составления эпидейктических речей, «предназначенных для наглядной демонстрации» [11, с. 206–207]. Эпидейктическое красноречие обращает внимание его театральных зрителей (теорос) на талант говорящего, оно становится «своего рода опытным полем или лабораторией для изощренной отделки разнообразных форм словесной выразительности в поисках средств и методов при изображении отдельных лиц и ситуаций» [8, с. 65]. Главным поприщем, на котором совершенствовал себя мастер парадного говорения (красноречия), было умение хвалить. Речь называлась «энкомием» — похвальным словом или «эпитафией», если она употреблялась наряду с другими речами (сетование, утешение, назидание). «Приемы похвалы отрабатывались, кодифицировались, превращались в стереотипы и в таком виде усваивались другими жанрами — судебным красноречием, историографией, поэзией», — отмечает Миллер [8, с. 66]. Особая привилегия похвального слова состоит в том, что оно является одновременно самым риторическим родом перформанса. В ход пускается не только власть оратора над слушающим, здесь ставится цель дать словесное выражение превосходству, ценности. Похвальное слово дает выражение всему, что является публичным или способным превратиться в таковое в частной жизни. Его можно назвать великим «аккомпаниатором» частной жизни в свете публичных событий.

Таким образом, в античных теориях закрепилось три типа красноречия: судебное, совещательное и торжественное. Каждый тип мог быть реализован в двух модусах: положительном и отрицательном. В суде необходимо было не только защищать, но и обвинять, в совете — убеждать и разубеждать. Для оратора, специализировавшегося в области торжественного красноречия, важнейшим было умение превозносить и посрамлять.

Художественная проза зарождалась как антипод поэзии, у которой она заимствовала и тематику, и художественные средства. Героический эпос нашел своего преемника в виде историографии, поэтические энкомии уступили энкомиям риториков. Экспериментаторство, новаторство в формах и стиле закрепляются за каждым отдельным оратором и/или его школой. «Постановка вопроса об индивидуальном стиле была в высшей степени революционным деянием эллинской культуры, знаменовавшим переход эстетического восприятия на принципиально новую ступень. ...Важно и другое: это деяние было с самого начала связано не с какой-либо сферой греческого культуры, но именно со сферой риторики — риторической теории, риторического обучения», — отмечает С. С. Аверинцев [1, с. 223]. Новая художественная практика приобретает разнообразные формы и обуславливает осмысление писательского труда в виде рекомендаций для лучшего построения ораторской речи.

Ораторская речь предназначалась не только для произнесения, но и для чтения, давая возможность для изучения, систематизации и анализа художественных средств и приемов с ориентацией на терминологическую дифференциацию. Так, в V веке до н. э. становится четким различие между «пойесисом» и «технэ». Первое стало общим наименованием стихотворной речи (Горгий «Елена»), второе стало обозначать писательское мастерство, писательское искусство («технэ» как искусство трагиков у Аристофана, «технэ» как философия красноречия у Исократа в «Панегирике»). Под влиянием новой ораторской практики формируется учение о словесном творчестве как о технэ. Ритор начинает выступать в качестве систематизатора некоего «ремесла» (технэ) и принципиально занимается тем, что может быть систематизируемо и преподаваемо, иначе говоря — повторимо. При этом неповторимость как таковая от анализа ускользает.

Особенностью первой «теории» прозаической речи «был ее подчеркнутый интерес к самому художественному произведению — к его композиции и словесной ткани, к применяемым в нем доводам, к воссоздаваемым в нем типам людей, ко всему тому, что мы сейчас назвали бы „средствами словесного выражения”» [3, с. 34–35]. Исследовательский интерес не сводился только к изучению речей для составления более или менее универсальных «рецептов». Новая «теория» словесного технэ затронула коренные принципы языкового существования, поставила вопрос «о силе словесной экспрессии в плане онтологическом, философском».

Человеческая речь как деятельность представляла как технэ, которое можно подчинить, если найти необходимые приемы и правила. Речь не связывалась с «материальной реальностью», она допускала ложь и обман. Этот факт дал возможность софистам найти обоснование для раскрытия новых сторон словесного искусства. Авторство речи выступало гарантом истинности: оратор сам стоял перед народом, и в его власти было принятие или неприятие его «истины» публикой.

Мысль о ложной речи не была чем-то новым в ораторской практике. Достаточно вспомнить высказывания Гесиода и Солона о том, что «много лгут поэты», Пиндар упоминал о «лживых мифах». «Самым великим лжецом на свете» называет Дион Гомера, а гомеровскому аэду не хватает человеческой памяти для запоминания всех событий, и он на помощь призывает муз. Аэды и рапсоды задолго до софистов осознали выгоду от «обработки» эпического материала. Особенности местных аудиторий в Греции в VIII веке заставляли эпического поэта включать в свой репертуар невероятное количество различных версий. Любая из частных версий, входивших в его репертуар, подходила для исполнения только в определенном месте и в определенной аудитории, где понимание истинного и ложного часто взаимозменялись. «Правда и ложь менялись местами по мере того, как поэт переходил из города в город, и той единой традиции, которую он воссоздавал для своих слушателей, приходилось каждый разрядиться в разные одежды», — отмечает Г. Надь [9, с. 68].

Софисты перенимают «практику» эпических певцов и предлагают концепцию человеческого знания как условного «мнения», которое относительно и не может быть «неложным» из-за своей неадекватности, но в то же время является

своеобразной опорой человеческой деятельности. В «Похвале Елене» Горгий отмечает, что «в очень многом очень многие берут руководителем души своей представление — то, что нам кажется. Но оно и обманчиво и неустойчиво и своею обманностью и неустойчивостью навлекает на тех, кто им пользуется, всякие беды» [10, с. 29]. Умение подчинить своим целям риторическое правдоподобие, софистический «обман» или «иллюзия» требуют от говорящего знания истины и сущности, поскольку «тот, кто собирается обмануть другого, не обманываясь сам, тот должен досконально знать подобие и неподобие всего сущего», — отмечает Платон [13, с. 820].

В ораторской прозе действительность изображалась как реальная и мнимая. На этих двух точках опоры строились речи с позиции «правдоподобия», «вероятности» («эйкос» — εἰκός) и «подобного», «должного» («препон» — πρέπον, «деон» — δέον). «Эйкос», который понимался как «похоже на правду», — это тип ораторской аргументации, когда за неимением достоверных данных оратор выстраивал логическую вероятностную цепочку описываемых событий. Подробный прием помогал оратору строить вымышленные сюжеты. «Я изложу вероятные причины, в силу которых справедливо или пристойно было Елене отправиться в Трою», — отмечает Горгий [10, с. 28]. «Если судить о событиях по их вероятности», — так начинает описывать подвиги своего героя Бусириса Исократ. «Построить ситуацию по принципу эйкос — это значило установить отношения зависимости между включенными в нее действующими лицами. <...> Оратор делал это для того, чтобы вызвать у слушателей нужную ему оценку действующего лица» [3, с. 40].

«Подобное», «должное» становится также обозначением нормы и соответствием в словесном искусстве. «Препон» обозначал не только должный, подобающий подбор слов, их звучание, но и соответствие художественного произведения характеру писателя, и метод работы над источниками, и подбор фактов, и соответствие частей произведения целому составу, и т. д. Обостренное чувство нормы в соответствии с художественным изображением обуславливало классификацию риториками словарного состава языка.

Признавая за «ложью» нормальную форму человеческого знания, софисты модифицировали традиционное учение о функции словесного искусства. Человеческие эмоции и мнения попали под чарующее влияние правильно выбранных словесных композиций. «Слово таким образом получало сложную функцию: его назначением становилось не только «услаждать», не только восстанавливать в памяти то, что было <...>, но менять представление слушателя о существующем положении дела или формировать его по воле оратора» [3, с. 36]. «И сколько и скольких и в скольких делах убедили и будут всегда убеждать, в неправде используя речи искусство!», — восклицает Горгий («Похвала Елене») [10, с. 29].

Критикуя софистов за ложность аргументации, Платон признает суждение о возможном, которое различным образом соединяет в себе ощущение и фантазию, может содержать истинное и ложное мнение. Дело в том, что проблема познавательной ценности аргументации правдоподобного непосредственно связана у Платона с проблемой самой риторики в системе знания. В отличие от науки, которая

имеет дело с существующим и потому содержит знание, предмет риторической аргументации — промежуточная область между существующим и несуществующим, область становящегося и возможного: «В каждом виде поэтому есть много бытия и в то же время бесконечное количество небытия» [12, с. 1001].

Хотя Аристотель опровергает всех тех, кто с Протагором утверждает, что все представляемое — истинно, аристотелевские энтимемы по сути представляют собой также прогностические высказывания с большой степенью возможности, надежность которых определяется типом знака (обязательного или факультативного признака), который в них используется, или установленной степенью достоверности [2, с. 93–95]. «Если ты будешь говорить справедливое, тебя возненавидят люди, а если несправедливое — боги» [2, с. 249].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В начале V века до н. э. наметился продуманный метод мышления и новая техника коммуникации — риторика. Риторика изначально представляла собой как практику обучения, так и кодификацию предписаний. Новая художественная практика приобретает разнообразные формы и обуславливает осмысление писательского труда в виде рекомендаций для лучшего построения ораторской речи. Новая «теория» словесного технэ затронула коренные принципы языкового существования, поставила вопрос «о силе словесной экспрессии в плане онтологическом, философском». Приоритетным направлением исследования выбранной темы можно считать компаративный анализ греческой и римской риторик как противоположных систем ораторской практики.

Литература:

1. *Аверинцев С. С.* Проблема индивидуального стиля в античной и византийской риторической теории / С. С. Аверинцев // Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М. : Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. — С. 220–228.
2. *Аристотель.* Поэтика. Риторика / Аристотель ; [пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой]. — СПб. : Изд. Дом «Азбука-классика», 2008. — 352 с.
3. Аристотель и античная литература. — М. : Наука, 1978. — 231 с.
4. Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы / [С. С. Аверинцев, Н. И. Григорьева, Н. Б. Журенко и др. / отв. ред. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров]. — М. : Наука, 1989. — 280 с.
5. *Зелинский Ф. Ф.* Древний мир и мы : [науч.-попул. ст.] / Ф. Ф. Зелинский. — СПб. : Алетей, 1997. — 417 с.
6. *Кассен Б.* Эффект софистики / Б. Кассен ; [пер. с фр. А. Россиуса]. — М., СПб. : Московский философский фонд, Университетская книга, Культурная инициатива, 2000. — 238 с.
7. *Лаэртский Диоген.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. — М. : Мысль, 1986. — 620 с.
8. *Миллер Т. А.* От поэзии к прозе (Риторическая проза Горгия и Исократ) / Т. А. Миллер // Античная поэтика: Риторическая теория и литературная практика : [сб. / отв. ред. М. Л. Гаспаров]. — М. : Наука, 1991. — С. 60–105.
9. *Надь Г.* Греческая мифология и поэтика / Грегори Надь ; [пер. с англ. И. П. Гринцера]. — М. : Прогресс-Традиция, 2002. — 432 с.
10. Ораторы Греции : сб. / [пер. с древнегреч. ; состав и науч. подгот. текстов М. Гаспарова ; вступ. ст. В. Боруховича ; коммент. И. Ковалевой, О. Левинской]. — М. : Худ. лит., 1985. — 496 с.
11. *Пифагор.* Золотой канон. Фигуры эзотерики / Пифагор ; [пер. И. Евсы и др. ; изд. подгот. А. К. Шапошниковым]. — М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 440 с.
12. *Платон.* Софист / Платон ; [пер. с древнегреч. М. С. Соловьева, Я. М. Борковского, А. В. Болдырева и др. ; вступ. ст., ст. к диалогам, помещенным в коммент., А. Ф. Лосева ; примеч. к диалогам и указ. сост. А. А. Тахо-Годи] // Диалоги. Книга первая. — М. : Эксмо, 2008. — Т. 2. — С. 939–1020.

13. *Платон*. Федр / Платон ; [пер. с древнегреч. М. С. Соловьева, Я. М. Борковского, А. В. Болдырева и др. ; вступ. ст., ст. к диалогам, помещенным в коммент., А. Ф. Лосева ; примеч. к диалогам и указ. сост. А. А. Тахо-Годи] // Диалоги. Книга первая. — М. : Эксмо, 2008. — Т. 2. — С. 777–842.

14. *Цицерон*. Брут, или О знаменитых ораторах / Марк Туллий Цицерон ; [пер. с латин. И. П. Стрельниковой ; под ред. и с предисл. (с. 7–71) М. Л. Гаспарова ; примеч. М. Л. Гаспарова и др.] // Три трактата об ораторском искусстве. — М. : Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. — С. 253–328.

15. *Cicero Marcus Tullius*. Brutus / Ciceron ; [Texte établi et trad. par Jules Martha].— Paris : Les Belles lettres, 1973. — 124 p.

16. Greece & Rome: New surveys in the classics: The Invention of Prose. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — № 26. — 130 p.